

М. ГОРЬКИЙ И А. ТОЛСТОЙ. К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. М. Крюкова

Проблема творческого взаимодействия больших художников слова, современников и участников единого литературно-исторического процесса, — одна из самых сложных в литературной науке: она требует более тонкого, чем обычно, инструмента анализа, возможно, большего исследовательского чутья, поскольку речь идет о выявлении закономерностей внутреннего сближения писателей и выделении их из массы других общений, влияний, зависимостей. У Пушкина есть замечательная мысль: «Мне показалось излишним, — писал он в статье „О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова“, — замечать некоторые явные ошибки, *простительные иностранцу, например, сближение Крылова с Карамзиным (сближение, ни на чем не основанное)*»¹.

Взаимное притяжение М. Горького и А. Толстого было настолько естественным и органичным, что не вызывало сомнений не только ни у кого из окружавших их людей, а в дальнейшем и у исследователей их творчества, но в первую очередь у них самих: Горький в конце жизни дважды в письмах Толстому говорит о своей любви к нему, причем связывает это эмоционально-положительное отношение с *пониманием* его как писателя и человека.

«Вы знаете, что я очень люблю и высоко ценю Ваш большой, умный, веселый талант» — эти слова Горького из юбилейного письма Толстому 1933 г. хорошо известны и часто цитируются. Вникнем, однако, в существо этого горьковского признания: «Да, я воспринимаю его, талант Ваш, именно как веселый, — продолжает Горький, — с эдакой искрой, с остренькой усмешечкой, но это качество его для меня где-то на третьем месте, а *прежде всего, талант Ваш — просто большой, настоящий русский и — по-русски — умный...*»².

А в другом письме, написанном годом раньше, признается: «... я много о Вас думаю, мне кажется, — *понимаю Вас*»³. К внутреннему пониманию Горького и сопряжению своих творческих поисков с его художественным миром стремился и Толстой, который сформулировал свое отношение к Горькому в открытом признании, сделанном в конце жизни: отвечая на юбилейное приветствие своего старшего друга, Толстой так охарактеризовал его творческий облик: «На днях видел у ваханговцев „Булычева“. Вы никогда не поднимались до такой простоты искусства». И далее делает вывод: «*Именно таким должно быть искусство — о самом важном, словами, идущими из мозга, — прямо и просто — без условности форм...*»⁴. Но это ведь и собственное писательское кредо, его эстетическая программа, к которой Толстой стремился с начала творческой жизни и которую настойчиво и целеустремленно осуществлял, — его знаменитые романы тому подтверждение. Еще важнее — с точки зрения

интересующей нас проблемы — представление Толстого о содержательной сущности художественных открытий Горького.

Известно, что Толстой посвятил Горькому большое количество статей и выступлений: начиная с первой записи в дневнике 1903 г. — о впечатлении, вызванном постановкой пьесы Горького «На дне» на сцене МХТ в 1902 г. (в посмертных изданиях эта дневниковая запись публикуется как рецензия Толстого на этот спектакль⁵), до последней статьи 1941 г., символически озаглавленной «Литературные заветы Максима Горького»⁶, проходит это стремление проникнуть в суть художественного феномена Горького. И при всех исторически объяснимых модификациях этой сути в представлениях писателя есть и нечто общее: за романтическим образом беспредельной, могучей, свободолюбивой фигуры — а именно от этого первоначального впечатления от знакомства с именем и творчеством Горького отталкивается Толстой почти во всех выступлениях на эту тему — за этим романтическим образом встает в изображении Толстого мощный художественный тип, продукт национальной истории, ее провидец и ее творец: «Горький любил Россию. Без колебания он выбрал единственный путь — путь большевика. Это был и творческий его путь, — говорил Толстой на митинге в Москве, посвященном памяти Горького, в 1940 г. — Культура невозможна без преемственности. Горький завещал нам свое искусство и свою тему — о любви к России, о раскрытии во всем многообразии, сложности, богатстве психологии русского человека — творца новой жизни»⁷.

Так сошлись пути художников: в течение всей творческой жизни каждый из них шел навстречу другому, внимательно всматриваясь в лицо собеседника, напряженно ища точек соприкосновения, сопряжения со своим внутренним духовным и творческим миром.

Что же в реальности представлял собой этот путь, как осуществлялся на деле процесс творческого взаимодействия М. Горького и А. Толстого — этот аспект проблемы интересует нас не только потому, что он менее всего исследован в литературе, но прежде всего потому, что он естественно вытекает из самого характера отношений писателей.

Замечание о недостаточной исследованности проблемы касается лишь этого аспекта ее: в целом она давно привлекает внимание специалистов; к тому же отношения Горького и Толстого занимают столь существенное место в биографиях каждого из них и столь значимы в истории отечественной литературы вообще, что мимо них не может пройти ни один исследователь, посвятивший себя этому периоду нашей истории литературы; сегодня в научный и читательский оборот введены почти все взаимные оценки писателями друг друга (чему в немалой мере способствовала публикация их переписки в «Литературном наследстве»)⁸, выявлена мера влияния Горького на Толстого в разные периоды творческой жизни последнего, сделаны выводы о значительности и плодотворности этого влияния в судьбе писателя⁹.

Однако сама история отношений писателей, ее движение представляются нам сегодня в несколько ином, скорректированном не-

которыми новыми реальными обстоятельствами свете. Так, до последнего времени было принято считать «пиком» этих отношений время знакомства и личного общения писателей в Берлине в 1922 г. В этом была своя логика, подтверждаемая объективными фактами: действительно, именно в это время произошло личное знакомство писателей¹⁰, перешедшее в интеллигентное дружеское общение¹¹: они часто встречаются; активный характер приобретает их дружеская и доверительная переписка (за полтора года восемь писем Толстого и два письма Горького¹²). В этот период они оба сотрудничают в редактируемом Толстым «Литературном приложении» к газете «Накануне», намечается участие Толстого в организуемом Горьким журнале «Путник» и т. д. В более поздних воспоминаниях Толстого приезд Горького в Берлин и знакомство с ним расцениваются как одно из самых значительных событий его жизни; важность этого события усиливалась еще оттого, что оно произошло накануне разрыва Толстого с эмиграцией и возвращения его на родину.

И вместе с тем 1922—1923 годы были лишь началом творческого диалога писателей; недаром этот диалог спустя два-три года завершился некоторым спадом не только творческого, но и личного общения и взаимопонимания. А завершение и наиболее полное проявление взаимодействия Горького и Толстого произошло в последний период жизни обоих писателей, в 1930-е годы.

Первые упоминания Горьким имени Толстого относятся ко второй половине 1910 г., т. е. к тому времени, когда Толстой по существу впервые заявил о себе на литературном поприще своими повестями и рассказами цикла «Заволжье». Сам ли Горький, проживавший в то время на Капри, выделил в массе печатной продукции вышедшие в издательстве «Шиповник» «Повести и рассказы» Толстого, или кто-то обратил на них его внимание¹³ — для нас сейчас неважно: интересно отметить мгновенную реакцию Горького, восторженно приветствовавшего появление талантливого писателя и настойчиво рекомендовавшего своим многочисленным корреспондентам новое имя как надежду отечественной литературы: «Обращаю Ваше внимание на графа Ал. Ник. Толстого, — писал он в июне 1910 г. А. В. Амфитеатрову. — Это — юный человек, сын Толстого — губернского предводителя дворянства в Самаре, родственник И. С. Тургенева: хорошая кровь!»¹⁴

И спустя месяц в письме тому же адресату повторял: «Обратите внимание на Алексея Н. Толстого, прочитайте его „Заволжье“ и рассказы в „Аполлоне“ — стоит! Про него говорят, что он близок с Кузминым и прочими, но — сам он мне кажется здоровым парнем...»¹⁵. Позднее, в том же году, Горький уже определенно заявит: «В литературе нашей восходит новая сила, очень вероятно, что это будет первоклассный писатель, равный по таланту своему одноподобному. Я говорю об Алексее Толстом»¹⁶.

К концу 1910 г. относятся и известные, многократно цитированные в литературе слова Горького из письма М. М. Коцюбинскому о

том, что Толстой «большой, первостатейный» — в будущем — писатель¹⁷, а также из письма Горького слушателям партийной школы в Болонье, в котором о Толстом также говорится как о «новой силе русской литературы»¹⁸.

Уже в первых высказываниях Горького о Толстом содержится глубокий анализ творческих возможностей начинающего писателя: Горький обращает внимание на плодотворность творческого приема Толстого — объединение произведений малого жанра (рассказов и повестей) в циклы свидетельствовало о масштабности художественного замысла, стремлении писателя к глубинному постижению жизни в ее сложных связях и отношениях. В дальнейшем циклы не только останутся в творчестве Толстого, но приобретут больший по сравнению с «Заволжьем» идейный заряд: в самом названии последующих циклов — «Наваждение (Рассказы 1917—1918 гг.)», «Лунная сырость (Повести двадцать первого года)», «Лихие года», «Через поле Российское» — будет выражена определенная авторская позиция, концепция жизни: бедаром в атмосфере такого — обобщенного — способа мышления возникнет у писателя и замысел романа «Хождение по мукам». Стоит только подивиться прозорливости Горького, сумевшего с первых шагов писателя в литературе почувствовать эту особенность и направление его таланта.

Вопрос о приятии Горьким Толстого был, однако, значительно глубже. Очевидно, чутьем художника Горький сразу же почувствовал в нем какие-то запасы «родственности» своему внутреннему, духовному и художественному миру. Надо сказать, что эту «родственность» писателей сразу почувствовала критика: в первой же серьезной статье об А. Толстом, принадлежавшей А. В. Амфитеатрову¹⁹ (написанной к тому же не без влияния Горького, на что обратили внимание современные исследователи), эта незримая внутренняя связь двух писателей подразумевалась как бы сама собой...

Силу и своеобразие заволжского цикла Толстого Горький видит в изображении — «с жестокой правдивостью» — «психического и экономического разложения современного дворянства» — именно на это он советует обратить внимание А. В. Луначарского²⁰. И это само по себе было немало, если учесть, что именно в эти годы Горький подверг суровой критике состояние отечественной литературы, в обстановке послереволюционной — 1905—1907 гг. — реакции ушедшей от социальных вопросов современности («... для них <современных писателей> родина — дело, в лучшем случае второстепенное... Проблемы социальные не возбуждают их творчества в той силе, как загадки индивидуального бытия»²¹). Но Толстой привлек внимание Горького и с другой стороны.

Известно, что в 1910-е годы, в обстановке последовавших за революцией 1905—1907 гг. перемен в общественном и культурно-историческом развитии страны, Горький предпринял попытку исследовать судьбу народа в каких-то новых измерениях, понять истоки «души» русского человека, найти объединяющую людей «религию духа». В конце 1910 г. писатель делится своими размышлениями на

эту тему с А. В. Луначарским — и здесь вновь появляется имя Толстого, которого он ценит за правдивое изображение восточной оцепенелости русского барства: «Посмотрите, как изображает Обломовых, современных нам, талаптливым А. Н. Толстой»²².

Входило ли в замысел молодого Толстого исследовать ту сторону национального бытия, на которую обратил внимание Горький, или это произошло само собой, благодаря замечательному проникновению в «стихию русского духа» (слова В. Брюсова, проникательно отметившего еще в 1911 г. эту черту дарования Толстого²³), трудно сказать. Несомненным остается глубокая чуткость Толстого к жизни, движению истории, столь тонко подмеченная в нем Горьким: вступив на литературное поприще в ответственный момент русской истории, он верно почувствовал необходимость проникнуть в суть национального характера, найти в нем какие-то закономерности, предугадать его будущее. Недаром критика, правда, с других позиций, чем Горький, сразу отметила то же направление художественных поисков молодого Толстого: в рецензии на его «Повести и рассказы» Е. Колтоновская писала о центральном персонаже «Заволжья»: «Это не только помещик, представитель оскудевающего дворянства, но и вообще русский человек, с широкой натурой, с богатыми задатками <...> Русь гоголевская, с ее безумной тройкой, оупляющая „обломовщина“ и нежная, поэтичная Русь Тургенева переплелись у гр. А. Толстого в очень богатом и своеобразном узоре...»²⁴.

Конечно, у Горького был свой резон видеть в Толстом единомышленника. Его исследование «души» русского человека опиралось на опыт великих предшественников, в первую очередь Достоевского: споря с Достоевским, Горький в своем художественном исследовании жизни солидаризировался с ним в изображении напряженной, бескомпромиссной духовности русского характера, его глубинной противоречивости, истовом стремлении «дойти до края», до самых темных глубин человеческого сознания... И оттого такой остроты и враждебности достигал этот спор, когда писатель сталкивался с интерпретацией идей Достоевского его приверженцами из XX в.: будь то Д. С. Мережковский или В. В. Розанов, авторы театральных постановок или печально знаменитого сборника «Вехи». Достоевский не имел достойного продолжателя в XX в. Толстой был замечательным открытием своего времени, в котором соединились многие родовые, наследственные черты отечественной литературы. В том числе и Достоевского, «давление» которого в исследовании некоторых сторон национального бытия было близко Толстому, несмотря на его внутреннее сопротивление этому давлению: «... что касается Достоевского (за него-то вы меня и ругаете), — замечал Толстой в одном из писем в 1912 г., — то ведь он только конквистадор, открывший новую страну. По-моему, истинное искусство должно состояться из двух полярных элементов: Пушкина и Достоевского, и дай бог здоровья тому колоссу, который, придя (а он еще не пришел), совместит в душе своей два эти полюса»²⁵. К такому «совмещению» Толстой действительно шел: Пушкин, в идеале,

был ближе его здоровому, жизнелюбивому дарованию, но есть основания предположить, что Достоевский был для него исходной точкой в творческом восприятии мира. Горького, во всяком случае, заинтересовала именно эта сторона творческой родословной Толстого, и не только с точки зрения изображения позитивных моментов «русской души», но и некоторых свойств ее, которые не принимались им. «В нас много тяжелой восточной крови, мы предрасположены к созерцанию, ленивы и бездеятельны...», — писал он в 1911 г. начинающему писателю П. А. Максиму и советовал (в подтверждение этой мысли) прочитать «роман Алексея Толстого „Две жизни“ („Чудаки“) и Сергеева-Ценского — „Пристав Дерябин“»²⁶. Стоит заметить, однако, что для самого Толстого такой критицизм по отношению к «русской душе» не был свойствен: типы «уходящей Руси» были изображены в «Заволжье» скорее с симпатией, чем с осуждением и призывом к совершенствованию, а самое открытие этих типов было «художественной находкой», по его позднему признанию, на многие годы вперед обеспечившей ему заряд творческой энергии...

Намечавшаяся внутренняя близость М. Горького и А. Толстого в этот период не нашла выхода; к тому же тема, столь мощно заявленная в «заволжском» цикле, не получила развития в следующих произведениях писателя этого периода: «Толстой — торопится»²⁷, — замечал Горький о новом его романе «Хромой барин». Это в общем было справедливо. Толстой действительно пытался вырваться из круга прежних своих тем, уловить «ток современности». Но «это мне не удастся, — вспоминал он несколько позднее, — я вновь и вновь возвращаюсь к прошлому — роман „Хромой барин“. Наступает полное, казалось, истощение...»²⁸.

Вторжение современности позволило Толстому выйти из творческого кризиса. Это произошло в годы первой мировой войны, когда писатель впервые по-настоящему увидел, о чем он писал позднее, подлинную жизнь народа: его публицистические статьи начала войны, исполненные патриотизма, были тогда же высоко оценены Горьким, выделившим их из массы других выступлений русских писателей, за серьезное и глубокое изображение событий²⁹.

В конце 1915 г. между Горьким и Толстым начинается переписка: Горький приглашает Толстого принять участие в сборнике «Еврей на Руси»³⁰, а в марте 1917 г. — в «социалистической» газете «Новая жизнь»³¹ (ответы Толстого на эти приглашения неизвестны, возможно, что в условиях военного времени Толстой их не получил; тем не менее, как установлено исследователями³², его имя появилось в объявлении газеты о составе ее участников).

Летом 1918 г. Толстой покидает Москву, уезжает на Украину, а весной 1919 г. — в эмиграцию, и возможность контактов с Горьким исчезает вовсе. Начинается новый, чрезвычайно трудный, «самый тяжелый», по позднему признанию писателя, период его жизни. Весной 1922 г. в Берлине Толстой и Горький встретились, как упоминалось выше, между ними установилось дружеское общение и создалась почва для творческого взаимодействия.

Что предшествовало в жизни Толстого этой встрече? В литературе существует точка зрения, согласно которой в становлении творческой личности Толстого с самых первых его шагов в литературе (и даже еще раньше, чуть ли не с юношеских лет) решающую роль сыграло влияние Горького³³.

Для такого предположения есть реальные основания, хотя, на наш взгляд, вопрос о творческих отношениях Толстого и Горького следовало бы рассматривать в более широком плане: как творческое взаимодействие художников общей культурно-исторической традиции, обогащавшее их обоих...

И все-таки интерес к творчеству Горького только вступавшего на литературное поприще Толстого, выразившийся в дневниковой заметке 1903 г. о пьесе «На дне», был, конечно, не случаен: он был подготовлен теми демократическими симпатиями, которыми жила семья Толстого³⁴, и в первую очередь, очевидно, той громадной волной общественного интереса в России к имени великого писателя: можно сказать, что не было тогда ни одного причастного к литературе деятеля, так или иначе не выразившего своего отношения к Горькому... Но все-таки что же потрясло Толстого в Горьком? Прочитаем еще раз эту небольшую заметку: Горький «показывает свежие растения, красоту и силу в новой незнакомой среде. И показывает он подчас так, что при *наихудших условиях вот, мол, что выходит*» (10, 9). Толстой нащупывает, таким образом, в писателе-современнике какие-то близкие, дорогие ему черты: доминанту творчества — преодоление неблагоприятных социальных обстоятельств, выпрямление человеческого духа — благодаря чему?

Ответ на этот вопрос он найдет позднее, в 1930-е годы.

Несмотря на то что в 1910—1911 гг. Горький о Толстом отзывался не публично (известно, что на предложение А. Амфитеатрова написать статью о Толстом для «Современника» Горький ответил отказом³⁵), а в письмах, эти отзывы дошли до Толстого и во многом способствовали «повороту» последнего в сторону Горького не только в смысле душевного расположения³⁶: мы можем судить об этом и по предполагавшемуся сотрудничеству Толстого в горьковских сборниках «Знание» (в 1912 г.)³⁷, и по его выступлению в 1914 г. в печати с небольшой статьей о Горьком — приветствием писателю в связи с его возвращением на родину³⁸.

Остановимся на творческом общении писателей в 1917—1922 гг. как центральном и наиболее важном моменте для нашей темы, т. е. наиболее характерном, выявившем самую сущность взаимного интереса Горького и Толстого, обнаружившем меру их взаимопонимания и «родства». На это стоит обратить внимание еще и потому, что в литературе существует точка зрения о расхождении писателей именно в этот период: в 1957 г. ее высказал французский исследователь Ги Верре³⁹. Эта точка зрения встречается и в некоторых работах современных советских авторов.

Приглашая Толстого в марте 1917 г. к сотрудничеству в газете «Новая жизнь», Горький, очевидно, предполагал найти в нем своего единомышленника. Дело даже не в том, что тогда Горький был,

в сущности, одинок в русской литературе в своих идейных и идейно-творческих исканиях: такие талантливые писатели, как И. Бунин, Л. Андреев, заняли отрицательную позицию по отношению к происходящим в стране событиям; его непосредственное литературное окружение — В. А. Десницкий, А. Н. Тихонов и др. — не имело и малой доли того влияния на развитие этих событий, какое имел сам Горький. В это время писателю был внутренне близок лишь Блок — и еще Толстой.

Вместе с тем можно предположить, исходя из идейных воззрений Толстого в 1917 г., что в приглашении Горького его пасторжило, озадачило слово «социалистическая» («в социалистической газете „Новая жизнь“» — говорилось в телеграмме Горького): его взгляды при всей их демократической направленности не имели той политической определенности, на которой настаивал Горький в ряде своих выступлений тех лет (в одной из статей, опубликованных в газете «Новая жизнь», Горький говорит о том, что он 17 лет считает себя «социал-демократом»). Еще с 1905 г. связавший свою судьбу с борьбой рабочего класса за свое освобождение, великий пролетарский писатель имел право утверждать свою принадлежность к «социалистам-интернационалистам», хотя эта принадлежность не всегда «спасала» его от политически не выверенной позиции, не совпадавшей зачастую с ленинской стратегией и тактикой революционной борьбы. В статьях, опубликованных в газете «Новая жизнь», отрицая «крайности» революционной борьбы, Горький вместе с тем горячо приветствовал революцию как событие, способное всколыхнуть страну и народ к активной, преобразующей мир на началах добра и справедливости, жизни на земле. В ряде публицистических выступлений этого периода, а несколько позднее и в своем художественном творчестве писатель обнаружил глубокое понимание происходящего, утверждая его историческую неизбежность и закономерность, подготовленную всем ходом русской и мировой истории...

Как же соотносятся взгляды Толстого 1917–1922 гг. со взглядами Горького?

Известно, что А. Толстой, так же как и М. Горький, восторженно приветствовал Февральскую буржуазно-демократическую революцию. В статьях и письмах этого времени писатель неустанно радовался тому, что наступил «новый век»: «Марксизм не марксизм, а, очевидно, Россия найдет свой какой-то в высшей степени оригинальный политический и общественный строй, очевидно, демократический»⁴⁰, — пишет он отчиму в сентябре 1917 г. «Марксизм — не марксизм» — очень важная оговорка: писателя не заботят конкретные политические формы, в которые выльется революция, он приветствует ее как большой общественный сдвиг, как «величайшее чудо», способное всколыхнуть народ, возбудить в нем светлые, добрые начала. За такими восторженными, но несколько туманными и абстрактными представлениями чувствовалось вполне реальное напряжение — страх русского интеллигента, «как бы не произошла неуместная жестокость, не пролилась кровь». Правда, на первых

порах Толстой был готов признать «законность» и исторически оправданную необходимость насилия: «Все это мы знали, конечно (речь идет о Французской революции.— А. К.) и все же страстно хотели революции и жертвовали всем во имя ее,— писал он в мае 1917 г.— Так почему же теперь, когда она пришла, мы с ужасом следим за ее смелыми и порывистыми движениями? <...> Откуда такое малодушие, или думают, что наша революция должна быть сплошным миллионом благ, который сразу и *помимо нашей воли* свалится с неба? Но революция сама по себе не благо, а лишь плодоносящая болезнь...»⁴¹.

События Великой Октябрьской социалистической революции усилили сложное, напряженное внутреннее состояние писателя. Восприятие Февральской революции Толстым в первые дни и месяцы ее свершения на новом витке истории претерпело существенные перемены. Оказалось, с точки зрения писателя, что «первого марта 1917 года у нас произошла не революция, а военный и голодный бунт, как реакция на трехлетнюю войну <...> Потому что нация во всей своей массе осталась нема и бесстрашна, не подняла сонных век, не выразила иной воли, кроме желанья скорого мира и сытого покоя...»⁴². Революция как очищение духа нации происходит, как пишет Толстой, только сейчас, в «Октябрьские дни»: «Время игры в революцию кончилось. Костер задымился»⁴³.

Нетрудно видеть противоречивость идейно-политической позиции Толстого в начале Октябрьской революции: страстно отрицая «реформы, перевороты, бунты» (к последним он относит, как уже говорилось, и Февральскую буржуазно-демократическую революцию), приветствуя «Октябрьские дни», как «огонь, исцеляющий душу», он столь же страстно ратует за «Учредительное собрание»: «Я верю — оно должно установить добро и милосердие для всех...»⁴⁴

Готовый принять «все во имя грядущего, во имя преобразования, во имя светлой, великой, чистой России», Толстой резко осуждает «обывательскую», либерально-интеллигентскую психологию, позицию человека, отстраненно наблюдающего картину «ужаса и крови». В статье «Ночная смена» Толстой делает первую попытку понять такую психологию и приходит к далеко не утешительным выводам об отрыве этой психологии от народной судьбы и ее чуждости «духу нации»⁴⁵...

Углубление национально-патриотического чувства и отсюда — углубление художнического зрения — именно здесь следует искать точки соприкосновения А. Толстого и М. Горького в первые годы революции. Их путь друг к другу, наметившийся еще в дореволюционные годы, выявил сходные моменты уже в самый момент совершения исторических перемен: в 1917 г.— в отношении к событиям Февральской, а затем — Великой Октябрьской социалистической революции; в 1922—1923 гг. он стал ощутим и в сфере художнического осмысления стремлением найти друг в друге опору своим размышлениям и действительности.

В первую очередь это касается исследования проблемы русского национального характера, предпринятого писателями в новую эпо-

ху: продолжая, развивая достигнутое каждым из них в предшествующие периоды творчества, они углубили этот анализ, расширили его возможности, соотнося опыт современности с историей народа в целом. Заметим, что Горький и Толстой были первыми русскими писателями, кто с такой глубиной совершил этот анализ.

«...Мучает меня эта загадка — человеческая, русская душа. За четыре года революции она так страшно и широко развернулась, так ярко вспыхнула. Что же — сгорит и останется только пепел — или?»⁴⁶ — эта мысль неизменно присутствовала и в публицистических выступлениях, и в художественном творчестве Горького этих лет. Надо сказать, что, решая эту «загадку» в прямом разговоре с читателем — в публицистике, — писатель был склонен сурово и беспощадно оценить этот характер, выделяя в нем качества, проявление которых насторожило его в событиях 1917 г. Однако, исследуя характер русского народа как художник, Горький обнаруживал несравненно более глубокий подход к проблеме, видя в поведении народа в эпоху бурных событий проявление его неизменной, исконно присущей ему талантливости — читатель может убедиться в этом, обратившись к «Книге о русских людях» (так предполагал ранее автор назвать произведение 1922 г. «Заметки из дневника. Воспоминания»), в которой выведена целая галерея реально существовавших человеческих типов: купец Бугров, Знахарка, Садовник — до Блока. «Я думаю, — писал Горький в заключении к этой книге, — что, когда этот удивительный народ отмучается от всего, что изнутри тяготит и путает его, когда он начнет работать с полным сознанием культурного и, так сказать, религиозного, весь мир связующего значения труда — он будет жить сказочно героической жизнью и многому научит этот, и уставший и обезумевший от преступлений, мир...»⁴⁷.

Представления А. Толстого в этом смысле более отвлеченны: в характере русского народа он склонен видеть самое первопричину революции. И не скрывает при этом, что продолжает традицию художественных прозрений своих великих предшественников: Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

«И разве не этого преобразования жаждал в бреду лихорадки Раскольников!.. — пишет Толстой в статье 1917 г. «На костре». — В раскаленной голове одного человека возникла, осуществилась и дошла до предельного конца революция целого народа. Старуха ростовщица была углублением, дном революции, каторга — синтезом, преображением, новой жизнью.

Поэтому так страшно читать эти страницы: Раскольников — та адская бездна, которую должен пройти и уже проходит русский народ, чтобы на дне ее, в муке и ужасе, сгореть и выйти смиренным, чистым и творческим»⁴⁸. В конечном счете весь смысл революции сводится, в представлении Толстого, к выражению этой национальной сущности: «выворачивание России наизнанку» есть историческая неизбежность. Толстой не отделяет себя от этой неизбежности и готов участвовать в построении «нового храма трагедии», возводимого на его земле...

«Мы, русские люди, все проклятые. У нас дна нет» (3, 277) — говорится в «Повести смутного времени» (1922) Толстого (произведении, кстати сказать, высоко оцененном Горьким, как лучшее выражение исторической романистики тех лет). При несомненности ассоциаций с Достоевским, точнее, через него мы вспомним здесь и Горького: «Мы все, русские люди, любим ходить по краю пропасти» — так словами славянского писателя XVIII в. Юрия Крижанича начинается одна из «Заметок» Горького. А в книге «Заметки дневника. Воспоминания» мы столкнемся с такой галереей «испытателей» возможностей человеческой души, по сравнению с которыми померкнут все самые сверхъестественные эксперименты «смутного» XVII в. русской истории. Когда эти «испытания» у Толстого достигают пикового предела и муки и страдания физические и душевные человека уже не укладываются в возможности реалистического художественного изображения, возникает «анекдот».

«Смеялись гораздо много» (3, 83) — сказано в рассказе Толстого «День Петра» (1918), в той сцене, где говорится об изощренной расправе с противником «дела государева». Внимательный читатель вновь может соотнести эту ситуацию с Горьким, с его небольшим рассказом из названной выше книги, так и озаглавленным «Смешное», в котором речь тоже идет, как известно, о «смешном»: о том, как в одно мгновение погибло «четверо товарищей» («на которых сучьях кишки висят»), а также — в другом эпизоде — как отняли у одной старухи последнюю коровенку и как в общем все это «смешно» вышло: «Сунули ей записку, а корову забрали с собой и пошли. И так хохотали над этим случаем, что идти было трудно, — остановимся и грохочем, аж слезы текуть»⁴⁹.

Этот ряд ассоциаций и сопоставлений в творческом опыте писателей можно продолжать еще долго: рассказ Горького «Мечта» — о страстной мечте, «чтоб с графиней поспать» (и о том, что из этого вышло), — заставит нас вспомнить сумасбродные мечтания героя повести Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», воспаленное воображение которого рисует сходные картины: «Я с трона <говорит Невзоров>: „Вот что, генералы, дворяне, купечество, мещанишко и прочая черная косточка, у меня — чтоб никаких революций! <...> Бунтовать не дозволяется, поняли, сукины дети?“ И пошел, и пошел. Все навзрыд: „Впноваты, больше не допустим“. Из залы я, тем же порядком, направляюсь под руки в свою роскошную гостиную. Там графини, княгини, вот по сих пор голые. Каждой — только мигни, сейчас платье долой. Окруженный дамами, сажусь пить чай с ромом...» (3, 418—419).

Если в рассказе Горького анекдотическая ситуация сохраняет видимость реальности, жизненности, то у Толстого она доходит до сатирического преувеличения, гротеска: анекдот в его творчестве трансформируется в новое жапровое образование — сатиру.

«Книга о русских людях» Горького заканчивалась очерком-воспоминаниями о Блоке. Эти воспоминания как бы дополняли, проливали свет на содержание книги, давали ответ на мучившую писа-

теля «загадку человеческой, русской души»: Горький видит решение ее в освобождении человека от страха перед разумом, издавна тяготевшим над народным сознанием. Горький борется с этим страхом, отстаивает разумные, действенные, активные начала жизни — порой преувеличивает его силу.

«...Иногда мне кажется, что русская мысль больна страхом перед самою же собой...» — пишет Горький и приводит в доказательство суждения целого ряда русских писателей; истоки этого «страха», с точки зрения Горького, лежат глубоко, в Библии, в вековых наслоениях религиозного мышления. Именно здесь проходят пути, разделяющие его с Блоком: «Разве можно верить в разумность человечества после этих войн и накануне неизбежных, еще более жестоких войн?»⁵⁰; «мировую гармонию», считает Блок, можно постичь только сердцем. Но именно здесь проходят и внутренние линии, разделяющие Толстого и Горького.

«Превышение в жизни чувств над умственным созерцанием охраняет человека от самого страшного — безнадежности, в которую заводит разум. Угасают чувства, иссякает влага. Разум воспаляется, болит, мечется», — читаем мы в дневнике Толстого запись 1918 г.⁵¹ В этих словах — ключ к пониманию самого существа отношения писателя к миру, т. е. к пониманию его художественного, личностного своеобразия, его таланта. Здесь, можно сказать, Толстой оказывается ближе к Блоку, чем к Горькому. Мы можем убедиться в этом, если вспомним, что объединяющей все творчество Толстого 1917—1922 гг. идеей является мечта о всеобщем милосердии, добре и сострадании людей друг к другу: человека в этом бунтующем мире, утверждает Толстой, спасет только любовь — к женщине, миру, человечеству. В этом смысл рассказа «Лунная сырость» («Счастье живой любви»), так кончается первая часть «Хожdenия по мукам» (опора в страдании — «любящее, верное сердце женское»), это чувство спасает от отчаяния Н. Н. Бурова («В Париже, на четвертом этаже»), в конце «Повести смутного времени» люди идут к попу Науму, чтобы у него, познавшего нечеловеческую муку страданий, научиться добру и милосердию...

Но именно в таких идеальных прогнозах ищет Толстой и точки соприкосновения с Горьким. В 1922 г. он написал, по существу, первую статью о Горьком с характерным заглавием «Великая страсть». Отрицая новейшие, формалистические способы рассмотрения судьбы художника, практиковавшиеся в советской литературе начала 20-х годов, Толстой, как он пишет, идет традиционными путями в стремлении понять, что представляет собой Горький в современном мире.

Что же?

«...Недавно я был у М. Горького в Heringsdorf'e, — пишет Толстой, — М. Горький читал свою последнюю повесть — „Отшельник“. Она поразила меня свежестью и силой формы и новым поворотом души его. Выше всего над людьми, над делами, над событиями горит огонь любви, в ней раскрывается последняя свобода. В ней человек — человек»⁵².

В рассказе Горького впервые действительно несколько неожиданно прозвучал столь близкий Толстому призыв к «милосердию и добру».

Как помнит читатель, сюжет рассказа Горького на первый взгляд весьма далек от современных событий: человек, совершивший тягчайшие преступления (растлил дочь, убил жену), каторжник, пройдя весь этот адский круг злодеяний, теперь, т. е. к моменту появления его в рассказе, удалившись от мира, сеет добро, учит людей любви и милосердию.

Но это лишь видимая удаленность от жизни и современности: здесь глубокий замысел художника, утверждающего, что мир, погруженный «во всяком непотребстве и зле и земной сваре», может спасти лишь «бог» в душе человека, т. е. такое нравственное, этическое начало, которое способно пробудить в нем его лучшие стороны и объединить его со всеми людьми.

Мысль о «новом повороте души» Горького, выразившаяся в этом и других написанных в то же время произведениях (вспомним, что «бога в душе» ищут и герои книги Горького «Заметки из дневника. Воспоминания» — от убийцы, ставшего банщиком (Степан Прохоров), бывшего поэта, ставшего палачом, до купца Бугрова, тяготящегося несовершенством мира и оттого гибнущего), — эта мысль высказывалась не только А. Толстым, но и другими современниками: К. Фединым, Л. Леоновым. Здесь не место исследовать вопрос, действительно ли столь неожиданным был в творчестве Горького такой поворот его творческого сознания, — нам важно в данном случае обратить внимание на родственность этих поисков идейно-нравственному состоянию Толстого в первые годы после революции.

Рассказ «Милосердия!», первый художественный отклик Толстого на события 1917 г., отразил позицию писателя, наблюдавшего происходившее «со стороны». В одной из статей конца 1917 г. он настаивал на этой позиции, утверждая, что предметом внимания художника должен стать в эти дни не «рабочий», не «крестьянин, мелкий собственник», не «солдат», не «кадет», а «обыватель» — «милый, добрый, русский человек, вне классового сознания и часто теперь безо всякого сознания»⁵³. Однако картина событий вне политики и социальных отношений, с точки зрения традиционно-демократических взглядов, была неполной и, можно предположить, не удовлетворяла и самого писателя.

В рассказе «Милосердия!» речь идет о рядовом русском интеллигенте, «обывателе», присяжном поверенном Василии Петровиче, в ноябрьские дни 1917 г. оказавшемся в водовороте исторических событий. Причем оказавшегося в нем вопреки своему желанию — рассказ и посвящен попыткам уйти от этих событий — в круг ли привычных религиозно-нравственных размышлений (от Владимира Соловьева с его утверждениями об изначально божественной природе человека), в привычный ли житейский сюжет родственных отношений или любовных связей... Увы, все эти попытки кончаются катастрофой: «я» Василия Петровича, его трансцендентальная «боже-

ственная» сущность раздавлены суровой действительностью — рвутся семейные, родственные связи (сын подымает руку на отца), любовь оказывается профанацией чувств, а жизнь сводится к стремлению спастись, уцелеть не только внутренне, но и физически: «Вот это и есть самая суть: выжжено, разломано, опустошено все, и стыдно. Ох, как, действительно, нестерпимо стыдно. А дальше будет то же самое: Софья Ивановна, мелочи, дом. И Коленька. Бедный, родной мальчик»⁵⁴.

Доведя своего героя до этой последней черты, автор, по существу, вслед за ним остановился в растерянности: рассказ в первоначальной редакции заканчивался то ли молитвой, то ли каким-то откровением, ниспосланным герою свыше: «Искали милосердия, но помощь не приходила, потому что люди были отравлены и души их смрачны. И я, жаждущий жизни, молю милосердия. Спаси и помилуй. Верю — придет милосердие. Да будет»⁵⁵.

Конечно, тот «поворот души» Горького, который Толстой увидел в «Отшельнике» и других произведениях писателя этого периода, был неизмеримо богаче, художественно полнокровнее, чем мечта о милосердии, которой заканчивался рассказ Толстого. Не случайно, что после того, как приведенный выше финал был снят, рассказ остался жить в творчестве Толстого и сознании читателя.

Но что увидел в рассказе Толстого Горький? Он прочитал его в 1923 г. в той редакции, о которой идет у нас речь, и обратил внимание не на «программные» места в нем, а совсем на другое. В автохарактеристике героя Горький подчеркнул следующие места (они выделены у нас курсивом):

«А сущность, неизменная и вечная, та, что отличает Василия Петровича от всех других людей, была, как уже сказано, в зачаточном, полудохлом состоянии.»

Его сущности не хватало: зубов и когтей, чтобы защищаться, отваги, чтобы быть безрассудной, и хитрости, чтобы вовремя прекратить безрассудство, мимикрии, чтобы, меняя цвета и форму, прятаться от опасности, не хватало зоркости, ловкости, быстроты и, главное, звериной, непоколебимой, пышащей жаром, любви к себе, чтобы жить...»⁵⁶.

Мы не располагаем высказываниями Горького об этом произведении Толстого (возможно, их и не было), но, судя по его пометкам в книге, можем предположить, что рассказ «Милосердия!» был интересен ему именно своей критической направленностью, пристальным анализом строя души современного либерально-буржуазного интеллигента, т. е. тем, что составляло предмет собственных идейных и художественных раздумий Горького этих лет, когда окончательно выкристаллизовался замысел его романа на ту же тему, его главной книги — «Жизнь Клим Самгина».

Насколько был прав Горький в такой трактовке смысла рассказа «Милосердия!», можно судить по правке, которую осуществил его автор позднее: эта правка выявила с большей отчетливостью критическую сторону замысла произведения. Во всяком случае, в последней автобиографии (1943 г.) Толстой расценил этот

рассказ как «первый опыт критики российской либеральной интеллигенции в свете Октябрьского зарева» (1, 58).

Мы говорим о взаимном тяготении писателей друг к другу в 1917—1922 гг., ищем причины внутренних связей и внутренних расхождений между ними. Роман «Хождение по мукам» в системе творческих отношений Горького и Толстого занял особое место.

Горький познакомился с этим романом, очевидно, сразу же по его появлению (как, впрочем, и со всеми другими произведениями писателя этого периода). Уже 6 февраля 1921 г. в письме С. Н. Сергееву-Ценскому, характеризуя положение дел в эмигрантской литературе, Горький выделяет роман «Хождение по мукам»: «В Париже издается журнал „Современные записки“, где А. Толстой печатает хороший роман»⁵⁷. К этому времени в журнале появились первые 16 глав романа (из 43)⁵⁸, без вступления, появившегося лишь в первом издании всей книги, но с эпиграфом, предварявшим роман во всех публикациях: «О, русская земля!.. („Слово о полку Игореве“»).

Мы не знаем, удалось ли Горькому тогда дочитать роман. Нет сомнения, что первое впечатление о романе Горький вынес все-таки из этой, журнальной, публикации⁵⁹, — иначе чем объяснить то изложение смысла произведения, которое дал писатель в начале 1923 г., отвечая швейцарскому издателю Э. Ронигеру на вопрос, можно ли издать роман «Хождение по мукам» в «серии великих произведений современных писателей».

«„Хождение по мукам“ чрезвычайно интересно и тонко рисует психологию русской девушки, для которой настала пора любить, — писал Горький. — Фоном служит жизнь русской интеллигенции накануне войны и во время ее. Есть интересные характеры и сцены, но, на мой взгляд, роман этот перегружен излишними подробностями, растянут и тяжел. Во всяком случае, эта книга не из лучших Алексея Толстого.

Я бы очень рекомендовал Вам заменить ее рассказами: „Приключение Никиты Рощина“, „Детство Никиты“ и „Житие преподобного Нифонта“...»⁶⁰.

Чем вызван такой отзыв Горького о романе Толстого, остается для нас не совсем ясным; можем лишь предположить, что Горький в отличие от нас, сегодняшних, не мог знать тогда, как развернется замысел романа Толстого в следующих книгах трилогии и какую идейно-художественную эволюцию проделает сам Толстой. А пока, читая роман, он действительно все-таки знакомился с «переживаниями русской девушки» (см. гл. III, V, VI, VII, XII, сюжет которых составляют перипетии Дашиной внутренней жизни). Можно предположить, однако, что, внимательно прочитав в 1929 г. вторую часть трилогии, «Восемнадцатый год», Горький почувствовал это «несоответствие» и обратился с просьбой к своему секретарю П. П. Крючкову срочно прислать «Алексей Толстой. „Сестры“ (XI том Собрания сочинений)»⁶¹. Удалось ли Горькому прочитать новую (теперь уже третью) редакцию первой части романа, мы не знаем. Со всей определенностью можем лишь утверждать, что все

известные нам оценки Горьким «Хождения по мукам» относятся ко второй части романа. Подчеркивая талантливость этого произведения, Горький неизменно обращал внимание на «торопливость» толстовского письма: это не преминул он отметить даже в известном юбилейном письме Толстому, в котором говорилось о «веселом и умном» таланте писателя: «Вот читаю сейчас «Хождение по мукам» — «18-й год», — пишет Горький. — Какое умение видеть, изображать! Но — есть досадные, недописанные страницы»⁶². А современник, вспоминая об одной из бесед с Горьким в феврале 1929 г., приводит следующие слова его: «Какой талантище А. Н. Толстой! Прочитал его „18-й год“. Но как он небрежно пишет!..»⁶³. Этот ряд высказываний Горького можно продолжить. Но что такое «торопливость» и «небрежность», когда речь идет о талантливом писателе? Конечно, не «небрежность» стиля и другие «внешние» формы проявления таланта. Горький, очевидно, вторгается здесь в заповедную, суверенную зону художника — в своеобразие его таланта, отпущенного писателю природой. Совет Горького, данный Толстому в начале 1930-х годов, о необходимости преодолеть, «взнуздать анархизм» своего художественного дара, гармонизировать это «буйственное качество» с его умом и воображением был в связи с этим практически неосуществим. Схематизируя различия Толстого и Горького в области художественного мышления, можно сказать, что Толстой стоял на позициях конкретно-чувственного, эмоционально-образного отображения жизни, а Горький стремился к рациональному, жизненно-достоверному познанию и отображению ее. Другое дело, в какие формы выливались эти стремления в конкретной художественной практике каждого из писателей...

Вдумаемся в связи с этим в характер пометок Горького, сделанных им в тексте романа «Восемнадцатый год» в чтении 1929 г.⁶⁴

«...Воет вьюга, насвистывает в дырявых крышах: „Пусту быть и Питеру и России“. И бухают выстрелы во тьме. Кто стреляет, зачем, в кого? Не там ли, где мерцает, окрашивает снежные облака зарево? Это горят винные склады... В подвалах, в вине из разбитых бочек захлебнулись люди... Черт с ними, пусть горят живо!

О, русские люди, русские люди!»

Против этих слов, на одной из первых страниц романа, Горький ставит вопросительный знак. Тем же знаком он помечает и другие места, в которых с такой же эмоциональной силой показаны проявления бунтарства и анархии народных масс, вовлеченных в происходящие события: *«Теперь — ни царя, ни бога. Одни мы. Домой, землю делить! А все прочее, города со всем прочим, фабрики, чиновники и прочие господские выдумки — нам не нужны. Наплевать. В лаптях проживем — налогов не будем платить. Сытно, весело, вольно...»*. Таких примеров, вызвавших несогласие Горького (или, во всяком случае, его недоумение), можно бы привести немало.

Может показаться странным, что на эти места в романе обратил внимание и В. П. Полонский, редактор журнала «Новый мир», познакомившийся с произведением в рукописи. «В первых главах

для читателя многое будет и неясно, и сомнительно,— писал он Толстому.— Односторонний отбор событий, положительные характеристики одних, сплошь отрицательные — других <...> неравномерное распределение света и тени — именно в таком материале, как революционный, имеют колоссальное значение...»⁶⁵. Если замечание критика и редактора журнала еще можно было бы понять, то чем вызваны сомнения Горького в достоверности толстовского изображения событий? Тем более что, читая роман целиком, в окончательной его редакции, Горький не мог не почувствовать, что, изображая анархические настроения, Толстой на протяжении всего романа одновременно показывал преодоление этих настроений, организующую силу пролетариата и большевистских идей: «Мой план романа и весь его пафос в постепенном разворачивании революции,— писал он Полонскому в ответ на его замечания,— в ее непомерных трудностях, в том, что горсточка питерского пролетарьята, руководимая „взрывом идей Ленина“, бросилась в кровавую кашу России, победила и организовала страну» (10, 107—108).

«Секрет» горьковского отношения к роману Толстого, можно предположить, заключался в том представлении о творческих задачах, которые писатель ставил в это время не только перед собой, но и перед советской литературой в целом. Речь шла о создании масштабных, эпических произведений, посвященных исследованию судьбы народа, нации на рубеже двух столетий, в переломную эпоху мировой истории. Задумав сам создать такое произведение сразу после революции 1905—1907 гг., Горький приступил к его написанию лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. История России за «сорок лет», с конца прошлого века до первых десятилетий двадцатого, во всех аспектах ее освещения — идейном, политическом, социальном, культурном — вот предмет изображения художника, как он представлялся Горькому в замысле романа «Жизнь Клима Самгина». А все предшествующее свое творчество, в том числе и произведения первых послереволюционных лет («Заметки из дневника. Воспоминания», «Рассказы 1922—1924 гг.», даже автобиографическую трилогию), писатель был склонен рассматривать лишь как подготовку для создания этого эпохального произведения.

Роман «Хождение по мукам» по изображенному в нем отрезку времени должен был «продолжить» «Жизнь Клима Самгина». Но такого продолжения, с точки зрения Горького, и не получилось: «из превосходного бархата» были сделаны «портянки»⁶⁶. Справедливости ради надо сказать, что Горький не измеил в дальнейшем оценки романа Толстого как талантливой книги: в 1933 г. в письме М. П. Томскому он вновь назвал трилогию Толстого в числе «ценных художественных произведений на тему о гражданской войне»⁶⁷.

Период 1917—1922 гг. оказался замечательным в творческой судьбе обоих художников тем расширением творческих возможностей, которое принес искусству бурный, богатый событиями XX век. Напряженный художнический интерес к этим событиям сопровож-

дался в творческой практике обоих писателей вниманием к факту (документу), взятому в его конкретной, чувственно-осязаемой форме, не скорректированному художническим вымыслом. Широкое использование наряду с «вымышленными» образами и ситуациями действительных реалий жизни явилось новым качеством реалистического художественного мышления XX в. — Горький и Толстой были первыми русскими писателями, столь совершенно воплотившими в своем творчестве именно такие возможности художественного отображения.

У Горького этот интерес проявился в первые годы революции: факты действительности почти без изменений входят в публицистические выступления писателя 1917—1922 гг., из дневниковых записей и документов составляются циклы «О первой мировой войне», «Быт», «Испытатель» и другие, на их основе создаются и художественные произведения — «Заметки из дневника. Воспоминания», «Рассказы 1922—1924 гг.», роман «Жизнь Клима Самгина». Притом если вникнуть в характер использования реалий жизни, например, в первой из названных книг и сравнить ее с итоговим произведением писателя — «Жизнь Клима Самгина», то можно увидеть не только расширение творческого диапазона включения этих реалий, но и тенденцию к их абсолютной — в пределах художественного замысла — точности. К тому же если жанр «Заметок из дневника...» сам по себе требовал такой точности, то в романе (хронике), посвященном сорока годам русской жизни, такая точность была уже следствием открытого авторского «умысла».

Будучи участником и действующим лицом многих событий, изображенных в «Жизни Клима Самгина», Горький почти во всех случаях опирается не только на свою память — тоже своего рода документ истории, — но и на точное знание, которое он черпает из книг, газетных сообщений, воспоминаний современников и других материалов. Конечно, следует иметь в виду пределы такой точности: в горьковедении достаточно полно исследован вопрос о метаморфозах «факта» в художественной практике писателя.

В творческом опыте Толстого в эти годы также впервые возникает стремление ввести факт в художественную ткань произве-

*Алексей Максимович
спасибо Вам за
Вашу доброту, за
Ваше горячее сердце.
Обнимаю Вас*

■ АЭЛИТА

А. Толстой

28 сеп 1927

*Дарственная надпись А. Н. Толстого
А. М. Горькому на обороте
титального листа книги «Аэлита»:
«Алексей Максимович, спасибо Вам
за Вашу доброту, за Ваше горячее
сердце. Обнимаю Вас. А. Толстой.
28 сен(тября) 1927 г.»
Музей А. М. Горького. Москва.
Публикуется впервые*

дения. Точнее сказать, в самом творческом методе писателя является как исходный, основополагающий компонент опора на реальный факт, взятый из жизни, расцвеченный ее деталями и красками. В этом можно убедиться, познакомившись с дневниками писателя, публикуемыми в настоящем издании: в самом отборе записываемых впечатлений уже виден этот художнический интерес, недаром многие записи сопровождаются пометками: «Кю II части», «к „Хождению по мукам“» и др. Но на этом стремление Толстого в точности «схватить» событие и заканчивается: в его художественном творчестве факт теряет связь со своей изначальной сущностью, вместо него возникает как бы «образ» факта, его метафора. Благодаря этому возникает новое качество в реалистическом методе писателя — параллелизм художественного мышления: одни и те же реальные факты, положенные в основу, например, рассказов «Простая душа» и «Милосердия!», с одной стороны, и повести «Похождения Невзорова, или Ибикус», — с другой, в разном контексте получают совершенно разный идейный выход. В этом можно убедиться, сравнив также рассказы «В Париже» и «Рукопись, найденная под кроватью». Можно сказать, что Толстой в этом вопросе оказывается более традиционным, чем Горький, — в его интересе к факту усматривается скорее литературный опыт XIX в., чем то почти реальное бытие факта в искусстве, которое стало характерным для последующего литературного развития.

После 1922 г. отношения между Горьким и Толстым вступили в совершенно новую стадию: каждый из них пошел своим путем; художественное своеобразие каждого, существовавшее и ранее, развелось, если можно так сказать, в разные стороны. Теперь разговор об их художнической общности был бы возможен на уровне, связанном с проявлениями национального художнического мышления, с одной стороны, и своеобразием развития советской литературы — с другой.

Особняком стоят в отношениях Горького и Толстого 1924—1926 годы.

Что произошло между ними в эти годы? Налицо явно охлаждение Горького к Толстому: известны резкие оценки Горьким произведений последнего, написанных по возвращении на родину, — пьес «Бунт машин», «Заговор императрицы», «Патент-119», повести «Гиперболоид инженера Гарина».

«С его <Чапека> пьесой „RUR“ случилось, — на мой взгляд, — нечто нехорошее и, пожалуй, небывалое в русской литературе. Посылаю Вам пьесу Алексея Толстого «Бунт машин», — писал Горький И. И. Калининскому 1 июня 1924 г. — Хотя Толстой и не скрывает, что он взял тему Чапека, но он взял больше, чем тему, — Вы убедитесь в этом, прочитав пьесу. Есть прямые заимствования из текста Чапека, а это называется словом, не лестным для Толстого, и весьма компрометирует русскую литературу. Лично я очень смущен и возмущен...»⁶⁸.

«В 7-й книге рабоче-крестьянский граф Алексей Толстой начал печатать тоже бульварный роман. Это очень жаль...»⁶⁹ — писал

Горький Д. А. Лутохину 26 сентября 1925 г., имея в виду публикацию в журнале «Красная новь» в 1925 г. романа Толстого «Гиперболоид инженера Гарина».

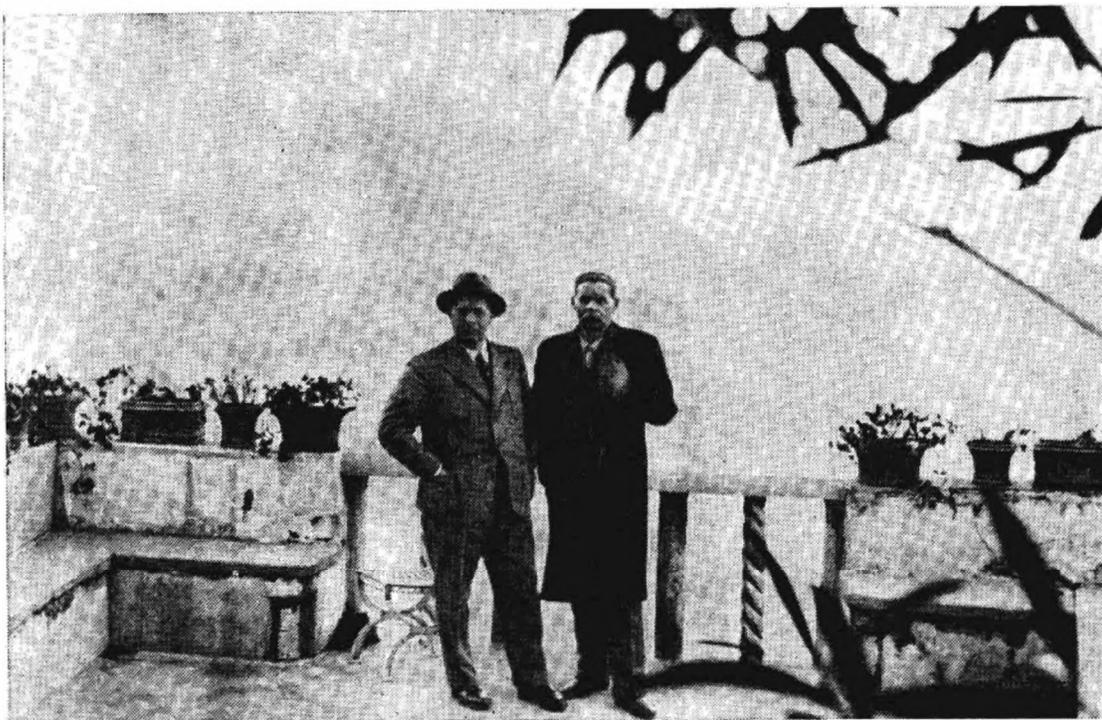
И так далее. Бросается в глаза не только резкость этих оценок, но их определенная предвзятость, раздражительность и несправедливость.

Размышляя над отношениями Горького и Блока, мы обратили внимание на возможность отрицательных влияний на писателя со стороны некоторых близких ему людей⁷⁰. Возможность такого влияния не исключена и в данном случае⁷¹. Толстой не раз в последние годы жизни говорил о той нетерпимости и раздражении, с которыми встретили его появление в Советской стране и советской литературе активные деятели рапповского литературного движения (и «левые» также), лишив его на некоторое время даже возможности писать (1, 59—60).

Но это одна сторона вопроса.

Что-то внутренне настораживало Горького в Толстом: ведь непонимание коснулось и творческой программы Толстого, с которой тот выступил, возвратившись на родину, — эта программа предусматривала особую роль художника в обществе, призванного служить этому обществу, но не сиюминутным заботам дня, а творчески воссоздавая глубинные процессы жизни («монументальное искусство», «тип эпохи»). Горький увидел несоответствие этой программы собственной творческой практике Толстого и его жизненному поведению: о таком характере замечаний Горького можно судить не только по приведенным выше высказываниям о произведениях Толстого, но и по его пометкам на статье последнего «О читателе» (1924).

Вместе с тем этот период был настолько не подготовлен предшествующим характером отношений писателей, что его можно рассматривать как случайный, возникший в жизненных и литературных перипетиях эпизод; недаром он был так быстро преодолен: в 1928 г. появляется новая статья Толстого о Горьком — «Ранний Горький» — после упоминавшейся статьи 1922 г. «Великая страсть»; в 1930 г. возобновляется переписка писателей; 1 июня 1932 г. Горький пишет известное письмо Толстому, в котором высоко оценивает его талант («Вы, поистине, — земляк, человек, влюбленный в свою планету, в родину свою, человецище такой же талантливый, как богата она талантами...»⁷²). Вообще 30-е годы в отношениях писателей характеризуются укреплением личных и литературных связей: Горький принимает участие в творческих замыслах писателя; Толстой в общении с Горьким находит для себя естественную творческую среду: советуется с Горьким о том, какую из двух начатых им книг следует продолжать — «Хождение по мукам» или «Петр Первый», — и учитывает его совет; по предложению Горького и с его помощью задумывает в 1935 г. большой роман о падении Римской империи и приступает к его написанию (правда, вскоре, увлеченный своими прежними замыслами о современности и истории, творящейся на его глазах, откладывает римскую тему). Горький

*А. М. Горький и А. Н. Толстой.
Фотография. Сорренто, 1932. Музей А. М. Горького. Москва*

оказывается в курсе всех творческих замыслов писателя и деликатно их корректирует и направляет.

«С Горьким у отца были дружеские, но непростые отношения,— свидетельствует сын писателя Д. Толстой.— Оба они стояли во главе советской литературы. Отец при жизни Горького представлял литературу, так сказать, вторым номером, и это ко многому обязывало...»⁷³. Этот момент мы должны учитывать, говоря об отношениях писателей в 1930-е годы. Тем не менее следует признать, что эта «первая роль», «учительство» Горького были приняты Толстым внутренне: он «с большой охотой» шел во все горьковские начинания, активно участвовал в создании «Истории гражданской войны» (что дало ему немало для работы над третьей частью «Хождения по мукам»), откликнулся на призыв Горького участвовать в серии романов «о семидесятниках», активно работал на Первом съезде писателей, выступил в дискуссии о языке художественной литературы (вместе с Горьким и на стороне Горького).

Последняя статья Толстого о Горьком (1941) не случайно называлась «Литературные заветы Горького»; опираясь на творческий опыт и завещание Мастера, Толстой призывал советских писателей следовать опыту классической русской литературы, учиться у нее постижению жизни и человека. В представлении Толстого Горький был связующим звеном между великой русской литературой XIX в. и новой, советской, которую они вместе с Горьким создавали.

В воспоминаниях современника, близко знавшего Толстого,

есть мысль о том, что писатель «восторгался Горьким, но, кажется, больше человеком и деятелем, чем писателем...»⁷⁴. Это ошибочное наблюдение; другое дело, что Толстой не все принимал у Горького. «Из всего, написанного Горьким, отец больше всего ценил „Детство“. Восхищался он также „Моими университетами“ и пьесой „На дне“... К раннему, романтическому Горькому относился сдержанно, критиковал его за дидактичность. Не нравился отцу „Клим Самгин“...»⁷⁵ — это свидетельство сына Толстого, относящееся, судя по всему, к 1930-м годам, более точно: недаром в личной библиотеке Толстого сохранилась именно эта книга — «Детство» (в издании 1930 г.⁷⁶). Мы помним, что, размышляя в 1903 г. о героях пьесы «На дне», Толстой думал о том, чем и как выпрямляется душа человека. В «Отшельнике» Горького он пытался найти ответ на этот вопрос. Но наиболее полную, художественно полнокровную концепцию высветления человеческой души представляло все-таки «Детство» — прекрасная книга Горького. Блок видел в ней олицетворенную в образе бабушки судьбу России, Толстой — объединяющую людей идею сострадания и милосердия и любви друг к другу. Он шел к Горькому через свой внутренний, человеческий, художнический мир, и в этом и была его правда.

«Меня недавно расспрашивали про Вас: добрый ли Вы человек? — писал Толстой Горькому в 1933 г. — Я сказал: очень. Около Вас чувствуется так часто заслоняемая борьбой цель всех усилий — добро»⁷⁷.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. Л.: Наука, 1978, т. 7, с. 23—24. Здесь и далее в статье курсив наш. — А. К.

² Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1956, т. 30, с. 279—280.

³ Там же, с. 254—255.

⁴ Лит. наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. 70, с. 414. Горький и советские писатели. Незданная переписка.

⁵ ИМЛИ, ф. 43, № 329; см.: 10, 7—9.

⁶ Так статья озаглавлена в первоначальном варианте (ИМЛИ, ф. 43, № 765/1); печаталась под заглавием «Могучее оружие» (10, 407—410).

⁷ ЛГ, 1940, № 34, 20 июня.

⁸ Лит. наследство, т. 70, с. 398—421; см. также: Горький М. Собр. соч., т. 30, с. 254—255, 257—258, 279—280, 379—380.

⁹ См.: Щербина В. Р. А. Н. Толстой и А. М. Горький: (Из истории литературных отношений). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1955, т. XIV, с. 9—20; Щербакова И. И. М. Горький и А. Толстой в Берлине (1921—1923): Материалы к спецсеминару «Творчество А. Н. Толстого». Свердловск: Свердл. ун-т, 1961; Баранов В. И. Горький и «новый Толстой». — В кн.: М. Горький и русская литература. Горький, 1970. (Учен. зап. Горьк. пед. ин-та. Сер. филол.; вып. 118).

В недавнее время появилась тенденция рассматривать отношения писателей в так называемом типологическом плане, т. е. в установлении общих для них тем: «антифашистской», «антимещанской», «о роли искусства в обществе и методах художественного творчества» и т. д. (см., например: Бороздина П. А. А. Толстой и М. Горький: (К вопросу о личных и творческих связях). — В кн.: Революция. Жизнь. Писатель. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980, с. 36—45). Такой подход возможен, но с реальной историей творческих отношений писателей он практически не связан.

¹⁰ Не исключено, что Горький и Толстой встречались и раньше: по предположению П. А. Бороздиной, еще весной 1914 г. и в 1915 г., когда оба писателя сблизилась со Студией Художественного театра, руководимой Л. А. Су-

лержицким (*Бороздина П. А. А. Толстой и М. Горький...*, с. 37). Однако эти встречи были, очевидно, весьма кратковременными и к общению не привели.

¹¹ Помимо хорошо известных из переписки писателей фактов такого общения, дополним их косвенными свидетельствами: в июле-августе 1922 г. Горький дважды обращается к А. П. Пинкевичу с просьбой выслать «книги Соллогуба-графа — для А. Н. Толстого» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл 30-41-14, 15) — Толстой пишет предисловие к книге Соллогуба «Тарантас»; в письме М. Ф. Андреевой того же года передает приглашение Толстому посетить его в Саарове (Там же, ПГ-рл 2а-1-28); в письме Е. П. Пешковой 14 июля 1923 г. сообщает о возвращении Толстого из России (Там же, ПГ-рл 30-19-663). Сын Горького М. А. Пешков сообщил 22 февраля 1922 г. Е. П. Пешковой: «Толстой скоро едет в Москву...» (Там же, ФМП 4-16-45), а в письме 3 июля 1923 г. писал тому же адресату: «У нас часто бывает А. Толстой. Очень хороший дядя, сейчас он пишет замечательный роман о Марсе» (Там же, ФМП 4-16-53).

¹² Эти письма опубликованы в указанном томе «Лит. наследства», кроме одного письма Толстого—Горькому (1922) (Архив А. М. Горького, КГ-п 78-1-8).

¹³ Сохранилось, например, письмо Горькому писателя А. А. Смирнова из Саратова от 15 мая 1910 г., в котором содержится первое упоминание об А. Толстом в переписке Горького:

«В той же книжке «Шиповника», — пишет А. Смирнов, — «Заволжье» гр. Алексея Н. Толстого, — прочтите, коли попадетсЯ. По-моему, талантливо. Это — Алеша, эдакий увалень был, сын Александры Леонтьевны Бостром. (...) Теперь увалень — модернист. Похабные стихи пишет. Их не одобряю — художество. А «Заволжье» понравилось. Описал, видимо, тетку, дядю и пр. сродственников — симбирских Тургеневых...» (Архив А. М. Горького, КГ-п 73-1-1).

¹⁴ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 1-25-71.

¹⁵ Там же, ПГ-рл 1-25-73.

¹⁶ *Горький А. М. Письма к Е. П. Пешковой, 1906—1932.* М.: Худож. лит., 1966, с. 103—105; Архив А. М. Горького, т. IX.

¹⁷ *Горький А. М. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1955, т. 29, с. 138.*

¹⁸ Там же, с. 141—142.

¹⁹ *Амфитеатров А. В. Новая сила.* — Собр. соч. СПб., 1912, т. 15, с. 331—345. Раздел «Новый народ и его певцы».

²⁰ См.: *Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 29, с. 141—142.*

²¹ Там же, т. 24, с. 62.

²² Звезда, 1938, № 1. Цит. по подлиннику: Архив А. М. Горького, ПГ-рл 23-44-6.

²³ См.: *Брюсов В. Далекие и близкие.* М.: Скорпион, 1912, с. 198—199.

²⁴ Вестник Европы, 1911, январь, с. 353—354.

²⁵ Письмо А. Толстого Н. С. Клестову от 28 марта 1912 г. — ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 47.

²⁶ *Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 29, с. 176.*

²⁷ Там же, с. 230.

²⁸ *А. Толстой.* (Автобиография. 1916 г.) — ИМЛИ, ф. 43, № 991/1.

²⁹ В. Т. Юрезанский, вспоминая о беседе с М. Горьким «поздней осенью 1915 г.», свидетельствует: «Он (Горький) возмущался лживостью и беспринципностью светлых работников пера, тем, с какой нестерпимой, постыдной фальшью писали о войне журналисты и некоторые писатели. Только двух человек из числа военных корреспондентов выделил тогда Горький — Алексея Толстого и Валерия Брюсова за их честное изображение картин войны» (Архив А. М. Горького, МоГ 14-7-1).

³⁰ Первое сохранившееся письмо М. Горького А. Толстому относится к январю 1916 г. Оно начинается так: «В ноябре месяце п(рошлого) г(ода) я обратился к Вам...» (Лит. наследство, т. 70, с. 398). 16 апреля 1916 г. Горький повторил приглашение Толстому принять участие в указанном сборнике (Архив А. М. Горького, ПГ-рл 45-3-11).

³¹ Лит. наследство, т. 70, с. 399.

³² См.: *Крестинский*, с. 114—115.

³³ См., например: *Семенова В. И. А. М. Горький и А. Н. Толстой:* (К во-

просу формирования художественного метода Толстого). — Доклады и сообщения Казанского зонального объединения кафедр литературы пединститутов. Казань; Чебоксары, 1963, вып. 1.

³⁴ Известно, что мать Толстого, писательница А. Л. Бостром (Толстая), и его отчим А. А. Бостром активно интересовались Горьким: в их переписке, относящейся к 1903—1905 гг., имя Горького встречается довольно часто. В ноябре-декабре 1903 г. А. Л. Толстая сообщает А. А. Бострому из Москвы о том, что хочет познакомиться с М. Горьким, что «была в „Знании“ и предложила свою книгу» (сохранился и ответ К. П. Пятницкого на это предложение: «У нас вопрос о Вашей книге решался Ал. Макс. Пешковым. Если бы хотели знать его мнение, можно писать ему на „Знание“...»); 8 ноября 1905 г. она писала: «...никак не могу сообразить, писала ли я тебе о том, что я послала „Жнецы“ Горькому?» (произведения А. Л. Бостром (Толстая) в сборниках „Знание“ не были опубликованы).

Большое письмо от 9 ноября 1904 г. А. Л. Толстая посвятила рассказу о впечатлении, оставленном спектаклем театра Комиссаржевской по пьесе «Дети солнца» Горького: «Сильная пьеса, гораздо сильнее и цельнее „Дачников“...» (ИМЛИ, ф. 43, № 6311). И, наконец, совершенно удивительный факт: А. А. Бостром в 1903 г. написал целую книгу-исследование под заглавием «Значение М. Горького и его пьесы „На дне“...» (Там же).

³⁵ См.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30-ти т., т. 29, с. 146.

³⁶ Об этом свидетельствует С. И. Дымшиц-Толстая. См.: *Воспоминания*, с. 67.

³⁷ Это очень интересный факт в биографии писателя, не известный пока в литературе: в переписке сотрудников «Знания» — К. П. Пятницкого и В. С. Миролюбова, — относящейся к концу 1911 — началу 1912 г., упоминается как возможный автор очередного сборника «Знание» А. Н. Толстой (речь идет об установлении ему гонорара за рассказ, если он его пришлет) (Архив А. М. Горького, II-ка «Зн», 26-12-6, 17 и 37-34-4).

³⁸ *Толстой А. Н.* ПСС, т. XIII, с. 274—275.

³⁹ См.: Maxime Gor'kiy et Alexis Tolstoy a la croisée des chemis (1921—1923) par Guy Verret. *Revue des études slaves*. Paris, 1957, p. 144—150.

Концепция Ги Верре неоднократно подвергалась критике в работах советских ученых. Напомним, что она строится на том, что в период общения Горького и Толстого в Берлине наиболее очевидно выявились внутренние расхождения писателей. В основе этих расхождений, с точки зрения французского ученого, было различие общественных позиций: «Горький покинул Россию, будучи большим и пессимистически настроенным... тогда как А. Толстой собирался туда вернуться, с горячностью неопита, чтобы там расходовать свои клокочущие силы; Горький думал о судьбе интеллигентов, А. Толстой — о своей родной земле...». Правда, в этой концепции концы явно не сходятся с концами: в начале своей статьи Ги Верре высказывает предположение о том, что осенью 1921 г., находясь в Берлине, писатели сознательно отказались от встречи друг с другом: «Да и что могли сказать друг другу спустя год после окончания гражданской войны друг Ленина (Горький) и сотрудник „Современных записок“ (Толстой)». В таком изложении непонятной становится позиция Горького по отношению к Советской власти и позиция Толстого, претерпевшая у Ги Верре поворот на 180°. Вывод Ги Верре однозначен: в Берлине «произошло... отдаление двух людей»; это «отдаление» усилилось с отъездом Толстого в Советскую Россию: «Они оказываются друг другу чуждыми, почти враждебными, поскольку исчезла всякая двусмысленность, их дружба могла возродиться только тогда, когда один из них, А. Толстой или Горький, сознательно пошел бы по пути другого. Как раз это и произошло в 1928 г., когда Горький, в свою очередь, вернулся в СССР».

Концепция тенденциозная, игнорирующая реальные факты жизни писателей и развитие их отношений друг с другом.

⁴⁰ Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя. Куйбышев: Куйбыш. кн. изд-во, 1982, с. 259.

⁴¹ *Толстой А. Н.* Из записной книжки. — Народопрствство, 1917, № 1, с. 14.

⁴² *Толстой А. Н.* На костре. — Луч правды, 1917, № 1, ноябрь.

⁴³ Там же.

- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Толстой А. Н. Ночная смена.— Луч правды, 1917, № 3, 4 декаб.
- ⁴⁶ Письмо М. Горького Р. Роллану от 6 августа 1923 г.— В кн.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. Архив А. М. Горького, т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 337.
- ⁴⁷ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25-ти т. М.: Наука, 1973, т. 17, с. 231.
- ⁴⁸ Луч правды, 1917, № 1, ноябрь.
- ⁴⁹ Горький М. Полн. собр. соч.: В 25-ти т., т. 17, с. 176.
- ⁵⁰ Это слова Блока, приведенные Горьким в своих воспоминаниях о пем. См.: Горький М. Полн. собр. соч.: В 25-ти т., т. 17, с. 227.
- ⁵¹ См. в наст. томе дневник А. Н. Толстого 1917—1936 гг.
- ⁵² «Литературное приложение» к газете «Накануне», 1922, № 20, 1 окт.
- ⁵³ Толстой А. Н. Власть трехдюймовых.— Луч. правды, 1917, № 2, 1 дек.
- ⁵⁴ Цит. по первой публикации рассказа «Слово» (М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1918, с. 87).
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Горький читал рассказ в издании: Толстой А. Собр. соч. Берлип и др.: Изд. З. И. Гржебина, 1923. Кн. 2. Цикл «Лихие года».
- ⁵⁷ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 39-3-4.
- ⁵⁸ Роман Толстого печатался в журнале «Современные записки» с ноября 1920 г. по октябрь 1921 г.
- ⁵⁹ В личной библиотеке Горького сохранился экземпляр берлинского издания романа с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу, с любовью, от автора. 31 мая 1922 г.». В нем нет помет Горького и у нас нет сведений о знакомстве писателя с этим изданием.
- ⁶⁰ Архив А. М. Горького, т. VIII, с. 429—430.
- ⁶¹ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 21а-1-182. В т. XI Собр. соч. Толстого (М.: Л.: Госиздат) были помещены рассказы 1925—1927 гг. Других изданий романа «Сестры», кроме указанного выше берлинского издания 1922 г., в личной библиотеке Горького не сохранилось.
- ⁶² Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 30, с. 279—280.
- ⁶³ Вольнов Иван. Воспоминания.— Архив А. М. Горького, МоГ 2-33-1).
- ⁶⁴ Горький читал этот роман в издании: Толстой А. Хождение по мукам: Вторая часть трилогии. Кн. первая. Восемнадцатый год.— Собр. соч. М.; Л.: Госиздат, 1929, т. XII. Личная библиотека Горького (Музей А. М. Горького, Москва).
- ⁶⁵ Письмо В. П. Полонского А. Н. Толстому от 1 мая 1927 г.— ИМЛИ, ф. 43, оп. 2, № 1398, л. 6.
- ⁶⁶ Так оценивает Горький целый ряд «талантливых попыток дать более или менее связную картину гражданской войны», к которым он относит роман Толстого «Хождение по мукам» (Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 30, с. 135).
- ⁶⁷ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 45-24-7.
- ⁶⁸ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 18-3-4. О том же — письмо Горького П. П. Крючкову от 3 июня 1924 г. (Там же, ПГ-рл 21а-1-49).
- ⁶⁹ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 23а-1-18.
- ⁷⁰ Крюкова А. М. К истории отношений Горького и Блока.— Вопр. лит., 1980, № 10, с. 197—227.
- ⁷¹ Вот что писала Горькому М. Ф. Андреева (9 марта 1925 г.): «А. Н. Толстой написал пьесу „Заговор императрицы“, где действует Александра Федоровна, Распутин, Дмитрий Павлович, Стенбок и проч., вплоть до Врубеля. Видела рабоче-крестьянского графа воочию, не понравился он мне и даже Туся стала какой-то женой литератора...» (Архив А. М. Горького, КГ-рэн 1-159-13).
- Также — в письме А. Н. Тихонова (Сереброва) Горькому от 8 августа 1924 г.: «...и несколько „маститых“ — Толстой, Замятин, Пильняк. Что про них скажешь?! Все они достигли половой зрелости и, по закону Фрейда, прекратили свое развитие: иные лысеют, вроде Толстого, иные толстеют (Пильняк), но на их творчестве это пока не отражается. Прочтите „Ибикус“ Тол-

стого и еще раз (который) удивитесь, до чего легко пишет этот человек!» (Там же, Кг-п 76-1-31). А сколько литераторов в это время имели с Горьким личные непосредственные контакты!

72 Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 30, с. 254.

73 Толстой Д. Начало жизни: Воспоминания.— Нева, 1971, № 1, с. 120.

74 Коган Л. Р. Дневник 1945 г.— ОР Гос. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 1035, ед. хр. 11, л. 25об.

75 Толстой Д. Начало жизни, с. 125.

76 Горький М. Собр. соч. / Под ред. И. А. Груздева. М.; Л.: ГИЗ, 1930. т. XVI/XVII. Сохранились в библиотеке Толстого еще два тома этого издания (XIV, XV), а также отдельные издания еще двух книг Горького: «Жизнь не-нужного человека» (1908) и «Жизнь Клима Самгина» (1928) (Гос. лит. музей. Москва).

77 Лит. наследство, т. 70, с. 145.